

ВОЛЕЮ СУДЕБ...

* * *

Все для тебя – и золото садов,
и в дымке предрассветной роц багрянец.
О скором приближеньи холодов
предупреждает журавлиный танец.

В нем что-то есть от пенья медных стрел
и скрежета мечей на поле боя,
когда при виде сотен мертвых тел,
безумье охватило вдруг героя.

* * *

Еще орешник пышет жаром,
но тонкой коркой ледяной
вода покрылась в баке ржавом,
как будто пленкой нефтяной.

Поскольку в баке ледяная
вода – тяжелая, как ртуть,
в ней хочет бабочка ночная,
а все не может утонуть.

* * *

Надводный мир, как мир подводный.
Когда ненастная погода,
от лишних линий несвободный,
рисунки выглядят нечетко.

Рука у мастера дрожала.
Ломался грифель непрестанно.
Платок, что страшно раздражало,
вываливался из кармана.

* * *

Уже зима – на самом деле.
Когда замерзли реки,
варяги малость присмирели,
но обнагтели греки.

Я бы охотно выпил яда,
чтоб не было так скучно

при мысли, что проснуться надо,
подняться с койки нужно.

* * *

Шляпу сорвет с меня ветра порывом.
Кутая горло больное,
молча я буду стоять над обрывом,
в озеро глядя, лесное.

Людам бессмысленным и бессердечным
это покажется диким,
по существу, поведением увечным –
иль помешательством тихим.

Людам, в особенности бесталанным,
может быть, даже бездарным,
вид мой немного покажется странным,
мировоззренье – полярным.

* * *

Снег все не шел.
В конце концов,
чтоб место зря не пустовало,
по грядке из-под огурцов
расхаживать сорока стала.

Она ходила целый день,
с утра до ночи непрерывно,
клоня головку набекрень
и ножки ставя как-то странно.

Поглядывала, щуря глаз,
и, чуть картавя, говорила.
В переселенье душ подчас
немудрено поверить было.

* * *

Пустота сквозит в лесных прогалинах,
в перекрестье сучьев и ветвей,
в головах у Лениных и Сталиных,
и других отъявленных вождей.

Впечатленье производит жуткое
то, что мы увидим, если в щель
заглянем однажды, будто шуткою,
своему кумиру под шинель.

* * *

Место обитания косматых,
при царе родившихся старух,

вотчина помещиц небогатых
широко раскинулась вокруг.

И мои полночные блуждания
в лабиринте улочек кривых
часто привлекают их внимание,
часто из себя выводят их.

Так собаки брешут с перепугу
осенью глухой на первый снег,
или, носом остро чую выюгу,
с цепки рвутся на глазах у всех.

* * *

В свой День рождения отец
один лежит в гробу дубовом.
Ноябрьским праздникам конец
уже положен веком новым.

*Пришли другие времена –
легко сказать.
Они настали!*
Накрыла с головой волна
людей, стоящих на причале.

* * *

Доказательств не нашел вещественных,
подтверждающих существование
среди крестьянок барышень божественных,
в чем я не был убежден заранее.

А иначе сел бы в электричку я,
сел в машину, мимо проходящую,
только напоследок чиркнул спичкою,
высек искру яркую, блестящую.

* * *

Если бы в рубашке родился,
нагишом не шастал перед Богом,
при своем достоинстве убогом
от стыда весь краской залился.

Розовыми пятками малыш
гнет траву, цветы в саду ломает,
так свое достоинство являет,
словно нам показывает шиш.

* * *

Будет лето жаркое и душное.
Будем изнывать от духоты,

будто нам пространство безвоздушное
залепило клейкой лентой рты.

Я слегка приоткрываю форточку.
Из нее клубится пар густой.
Словно петя-петушок на жердочку,
вспархивает он на стол пустой.

* * *

Трудно замысел постичь их,
но одно неоспоримо –
оказаться в лапах птичьих
очень страшно, нестерпимо.

С яблоньки содрали шкуру,
словно с вяленой рыбешки,
обнажив мускулатуру.
Выклевали глаз у кошки.

И теперь она на вещи
смотрит как-то однобоко.
На тебя шипит зловеще.
Мне за что-то мстит жестоко.

* * *

Наша жизнь протекает у них на глазах.
Им известно, что с нами творится
при закрытых дверях в заводских корпусах,
где военная тайна хранится.

О глухих казематах, тюремном пайке,
о порядке в палате больничной
знают муха, сидящая на потолке,
будучи акробаткой отличной,
воробей, прилетевший зерна поклевать.

Тополь узенький – тощий и длинный –
станет вдруг ни с того ни с сего горевать
по душе моей, прежде невинной.

* * *

Длинные, как кнуты у погонщиков,
не сходящих с коня круглый год.
Острые, как ножи у забойщиков,
день и ночь забивающих скот.

Потому, что у чертова семени
безобразно они велики,
лучше было бы змеям до времени
малость попридержать языки.

* * *

Потому что каждое движенье
с болью для него сопряжено,
вряд ли он получит наслажденье,
заполночь забравшись к нам в окно.

У него до крови ноги сбиты
о степные камни-валуны,
сбиты о кладбищенские плиты,
что в густой траве едва видны.

Будучи несчастным инвалидом,
принужден паук сидеть в кустах,
так как он своим ужасным видом
вызывает оторопь и страх.

* * *

Так приходит разочарованье
в женщине, в товарищах, в друзьях.
Целый день валяюсь на диване
и грущу о прежних временах.

Свет клубится, как в пылу сраженья
над бескрайним полем боя дым.
Наземь пав, лежу я без движенья
под кустом орешника густым.

Голубь сизокрылый надо мною
вьет себе гнездо среди ветвей.
мир, вконец измученный войною,
постепенно сводит счеты с ней.

* * *

Площадь привокзальная расцвечена,
вся в огнях, как елка новогодняя,
вся она, как уличная женщина,
для семейной жизни непригодная.

За окном мороз, а лоб в испарине.
Поезд вдаль летит – во тьму кромешную.
Вот уж взгляд скользит мой по окраине,
где детишки лепят бабу снежную.

В рощице, где мишки косолапые
спят в берлоге под сосной поваленной,
несмотря на холода неслабые,
пар густой клубится над проталиной.

* * *

Дикие утки глядятся в студеные воды,
в ужасе машут крылами,

так как похожи они на репейника всходы,
вставшие за полночь между цветами.

Холодно так, что в карманы засунул я руки,
так как забыл на веранде перчатки.
Я уклоняюсь от нашей с тобою разлуки,
словно со смертью играю я в прятки.

* * *

Нам друг друга оплакивать рано,
но по жилам у нас почему-то
кровь густая течет, как сметана,
словно в лютый мороз у якута.

Словно я на оленьей упряжке
мчусь в предгорьях хребта Станового,
и гремят на ухабах костяшки,
как у мертвого, а не живого.

* * *

Волею судеб смотрю во двор,
обнесенный сеткой металлической,
и веду с любимой разговор
в целом о поэзии лирической.

Хорошо, что впереди зима,
за окном кружатся мухи белые,
а в шкафу — отдельные тома
и собранья сочинений целые.

* * *

Небо затянуло облаками.
В речке черной сделалась вода.
Стал глаза тереть я кулаками,
как дитя невинное, тогда.

Накорми меня овсяной кашей,
обогрей, дай денег на кино,
я еще надеюсь в жизни нашей
отыскать жемчужное зерно.

* * *

В канун великих перемен
часы настенные, как будто
доисторический безмен,
скрипят отчаянно все утро.

Узнать, насколько тяжело
минувшее столетье было,

невероятно повезло
мне без веревки и без мыла.

Другой бы затянул петлю,
а я затягиваю песню
про то, как родину люблю,
Москву – Трубу, Покровку, Пресню.

* * *

Что бы мне еще сказать такого
в отношени здания складского?
Что его торцовая стена
солнцем до бела раскалена?

Стелется дымок по сухостою.
Черный лес с каемкой золотою,
словно чаша зелена вина,
нынче нами выпита до дна.

* * *

На заре в морской дали
парус белый мне мерещится.
На пролете журавли,
как живая в небо лестница.

Было б здорово по ней
нам вскарабкаться, наверное.
С верха самого видней
все хорошее и скверное.